

CVIII.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Нашъ добрый Феодоръ Васильевичъ написалъ тебѣ самое большое письмо. Не надѣясь тебя застать въ Москвѣ, мы его послали черезъ Языкова. Скажи, сдѣлай милость, имѣешь-ли ты письма и извѣстія отъ батюшки? Это меня очень беспокоитъ. Батюшка ко мнѣ слишкомъ давно не пишетъ. Что-то тамъ у насъ дѣлается? Я уже начинаю бояться. Когда-то ты поѣдешь въ Петербургъ? Пожалуйста, присылай ко мнѣ оригинальныя письма батюшки, когда останешься въ Москвѣ. И мои къ тебѣ—тоже въ оригиналѣ отсылай къ батюшкѣ. Не имѣешь-ли извѣстій отъ сестры Екатерины Андреевны? Константинъ Андреевичъ Тонъ все еще въ Римѣ. Нужно будетъ съ нимъ обо многомъ поговорить, а между тѣмъ я просилъ Языкова, чтобы указалъ тебѣ въ Москвѣ, гдѣ можно найти древній образъ «Воскресенія Христова»—иконный, то-есть нужно мнѣ знать, какъ его представляли греки. Пожалуйста, зачерти мнѣ эти композиціи въ письмѣ. Ты мнѣ сдѣлаешь существенную услугу, безъ которой я совѣмъ не могу сочинить этого образа. Если изображенія иконныя разнятся между собой, то все мнѣ передай. Какъ скоро можетъ кончиться твое лѣченіе? И слышишь ли ты совершенно? Извини, что не отвѣчалъ на твои письма подробно, потому что эти дни прихворнулъ, и теперь еще дней семь не выйду въ мастерскую, которая за версту отъ моего дома.

CIX.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ. Марта 15, 1845.

Три мѣсяца сочиняя эскизъ «Воскресеніе Христова», я все поджидалъ Тона въ Римѣ. Его встрѣтили всѣ торжественнымъ обѣдомъ, гдѣ онъ объявилъ мнѣ громкогласно, что по-

ручаетъ мнѣ самую отличнѣйшую работу въ московскомъ храмѣ, т.-е. на парусахъ написать четырехъ евангелистовъ, прибавивъ, что его слово *вѣрно и неизмѣнно*. Всѣ съ шумомъ бросились меня поздравлять. А я, пораженный горько перемѣной сюжета, не зналъ, что дѣлать? Тонъ, какъ видно, удивлялся моему безвосхищенію, потому что всѣ были въ полномъ восторгѣ, которымъ онъ роздалъ другія порученія. Образъ «Воскресенія» остался за Карломъ Брюлло. Студіей моею онъ (Тонъ) былъ очень доволенъ. Но взглядъ его на искусство наше устарѣлъ, если еще былъ и прежде воспитанъ въ высокой тишинѣ Рима. Въ разговорахъ онъ съ нами казался камимъ-то хозяиномъ - повелителемъ: давая порученія, онъ привыкъ видѣть получающихъ уже весьма очастливленными.

Самое утѣшительное то, что онъ обѣщался за меня поговорить Академіи, чтобы доставить мнѣ трехлѣтнее содержаніе на окончаніе моей настоящей картины. Если это въ самомъ дѣлѣ будетъ, то мнѣ больше ничего и желать нельзя. Что будетъ послѣ окончанія моей картины: изъ русской ли исторіи сюжетъ писать, или заборы и стѣны красить изъподъ палки,—объ этомъ у меня и заботы нѣтъ.

Жеребцова обѣщалась Моллеру уговорить Волконскаго, чтобы не останавливать обо мнѣ представленія академическаго. Хорошо, еслибъ Смирнова тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ поговорила съ Лейхтенбергскимъ, а то вѣдь эти господа все забываютъ. Я ходилъ, хлопоталъ, писалъ, сдѣлалъ все, что постигаетъ умъ мой, къ доставленію себѣ способовъ къ окончанію картины. Все человѣческое сдѣлано, теперь отдамся въ волю Божию. Моллеръ часто мнѣ надѣдаетъ своими мелкими порученіями и просьбами. Я думаю, я запрусь отъ него, хотя и очень его люблю. Кilia еще нѣтъ. Я его рѣшился не пускать въ студію, и къ нему не представляться. Это, можетъ быть, поведетъ меня къ бѣдамъ. Но скажите, какъ мнѣ быть?

Пожалуйста, отвѣтите мнѣ скорѣе на это письмо, чтобы я зналъ, что вы его имѣли. Получили ли вы мое письмо къ Смирновой и два письма мои, посланные къ вамъ въ Парижъ?

Съ недѣлю, какъ отсюда тронулся Чижевъ. Онъ будетъ

до 15 мая въ Венеціи. Третьяго дня уѣхаль Тонъ. Онъ -
прямо въ Петербургъ; почти нигдѣ не остановится.

Вамъ совершенно преданный
Александръ Ивановъ.

СХ.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Мартъ 1845.)

Сочинялъ я три мѣсяца образъ «Воскр. Христ.», читая все около моего предмета, срисовалъ все относительно его въ Ватиканѣ, съ греческихъ и нашихъ образовъ старинныхъ отнялъ вѣрно много времени (отъ своей работы), и наконецъ все кончилось тѣмъ, что Тонъ сказалъ мнѣ, что этотъ образъ отдалъ Брюлло, а мнѣ будетъ славная работа въ московскомъ храмѣ—паруса, четыре евангелиста. Не сердись, братъ, на Тона: онъ не виноватъ, онъ извѣстенъ давно, какъ невѣрный въ словѣ. Мы съ тобой виноваты, что, зная это, ему повѣрили; а въ особенности я, какъ старшій и болѣе опытный въ жизни. Пожалуйста, не сердись, и утѣшься тѣмъ, что Тонъ обѣщаль за меня сказать Академіи, что я нуждаюсь въ трехъ-лѣтнемъ содержаніи, чтобы окончить мою настоящую картину. Это для меня всего дороже. Получить теперь 10 тысячъ—гораздо для меня лучше, чѣмъ 400 тысячъ послѣ. Послѣ картины пусть изъ меня дѣлають, что хотятъ: и заборы, и потолки готовъ я красить. Но главное, чтобы дали мнѣ кончить настоящей мой трудъ, какъ слѣдуетъ! Тонъ мнѣ говорилъ, поѣдешь ты нынѣшней весной въ чужіе край. Если такъ, то попроси у него совѣта, что тебѣ здѣсь дѣлать, чѣмъ заняться, и когда, и какъ,—обо всемъ подробно, и привези мнѣ славянскую Библию непременно. Я склоню также Чижова, чтобы написалъ тебѣ программу, какъ должно учиться архитектору въ чужихъ краяхъ. Обо всемъ этомъ ты самъ долженъ будешь глубоко подумать, и потомъ начать ученіе. Рязановъ, Бенуа, Кракау и Росси черезъ четыре мѣсяца

ѣдутъ во Францію. Можетъ быть, не худо бы было тебѣ съ ними встрѣтиться, чтобы заняться въ Парижѣ математическимъ курсомъ. Впрочемъ, объ этомъ я тебѣ еще буду говорить, посоветовавшись съ Чииковымъ.

К. Тонъ былъ принятъ съ общимъ восторгомъ: кромѣ Монигетти, всѣ охотно его окружили. На другой день прїѣзда давали ему обѣдъ, гдѣ нашъ Иорданъ ораторствовалъ; подъ конецъ обѣда все превратилось въ неистовый шумъ. При отъѣздѣ тоже былъ данъ обѣдъ, а въ послѣдній день К. А. Тонъ намъ задалъ обѣдъ, гдѣ уже было раздолье. Но это все не важно и не замѣчательно, а вотъ что важно — что прїѣздъ Тона окончилъ совершенно свободное состояніе художника. Это правда, что все къ этому уже было готово. Молодое поколѣніе, видя въ наставникахъ своихъ безбожниковъ, пьяницъ, гулякъ, картежниковъ и эгоистовъ, приняло всѣ эти качества въ основаніе, и вотъ, свобода пенсіонерская, способная усовершенствовать, оперить и окончить прекрасно начатаго художника—теперь была обращена на усовершенствованіе необузданностей. Некогда думать, некогда углубляться въ самого себя и оттуда вызывать предметъ для исполненія. Сегодня у Рамазанова просиживаютъ ночь за картами и виномъ, завтра у Ставассера, послѣ завтра у Клименко. Разумѣется, что тутъ уже лучше заняться заказной работой—вотъ вамъ, господа, и цѣны; Тонъ привезъ работы—вотъ вамъ сюжеты, вотъ мѣры; вдали деньги и приставникъ, чтобы работали, а не кутили, а можетъ быть и вызовъ безвременный въ Россію. Прощай все прекрасное, все нѣжно-образованное, прощай соревнованіе русскихъ съ Европой на полѣ искусства! Мы—пошлые работники, мы пропили и промотали всю свободу.

Самое интересное вотъ что: Тонъ ругаетъ иностранцевъ-художниковъ, и это все, натурально, передаетъ и ученикамъ своимъ. Хорошо, еслибы ты на это обратилъ вниманіе, и, когда выѣдешь въ путешествіе за-границу, оставилъ бы всѣ предубѣжденія, и смотрѣлъ бы на Шинкеля и другихъ собственными глазами. Что касается до меня, я глубоко уважаю иностранные таланты, и охотно ставлю выше своихъ по убѣжденію. Ненавижу я иностранцевъ посредственныхъ и плохихъ,

прѣвзжающихъ къ намъ подавлять все наше и оставлять своихъ сыновъ на погибель своей народности.

СХІ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Римъ. Лѣто 1845.)

Желая быть сколь можно болѣе полезнымъ отечеству въ моемъ кругу искусства, я придумалъ принести въ даръ Московскому рисовальному классу мои картоны, рисованные мною передъ самымъ отъѣздомъ въ Италію. Обдѣлать это дѣло поручаю вамъ, ибо совсѣмъ болѣе никого не имѣю въ Москвѣ. Все затрудненіе въ томъ, чтобы ихъ перевезти изъ Петербурга. Нужно подумать, въ какое время года удобнѣе. Хорошо бы склонить кого-нибудь изъ частныхъ любителей въ Москвѣ—заплатить за провозъ и укладку. Картоны находятся на квартирѣ моего батюшки въ Петербургѣ; чѣмъ скорѣе ихъ оттуда вынесутъ, тѣмъ лучше. Извините, что такъ долго не писалъ вамъ. Я былъ все свободное время занятъ Солнцевымъ ¹⁾, котораго теперь очень заучилъ. Это руда золотая, русское золото; нужно, чтобы его обработать. Надежда вся на его 26 лѣтъ. Ъздилъ съ нимъ отыскивать прекрасныя мѣста; сильно пораженъ былъ видомъ Рима на девятой верстѣ—въ Альбано, и занялся самъ этимъ видомъ, вмѣстѣ съ нимъ. Я думалъ, что онъ для васъ его дѣлаеть. Вотъ его описаніе: древняя дорога Апсія, имѣющая по обѣимъ сторонамъ развалины гробовъ римскихъ вельможъ; на второмъ пластвѣ—акведукъ, половина дороги отъ Альбано—*Torre di mezza via*, за нимъ—древній Римъ въ развалинахъ, потомъ самый Римъ, и въ срединѣ—куполь Петра, царствующій надъ всѣми развалинами, потомъ — витевскія горы за 60 миль, и все это при закатѣ солнца! Пожалуй, могутъ толковать, что торжествующій Петръ, или католицизмъ, надъ древнимъ міромъ находится при своемъ закатѣ. Еслибъ вы видѣли мѣсто въ

¹⁾ Егоръ Григ. Солнцевъ, пейзажистъ, прѣхавшій въ Римъ въ январѣ 1845.

хорошую погоду и при полномъ освѣщеніи, то не знаю, что другое понравилось бы вамъ послѣ этого.

Послѣднее путешествіе Θεод. Васил. по Сербіи — истинный кладъ; это покуда тайна—не должна выходить наружу. Все сообщу моему брату, который будетъ черезъ мѣсяць. Мы разроемъ эту руду, и постараемся отечеству доставить чистое золото. Куда бы хорошо было, еслибы Θ. В. помогъ мнѣ и брату моему, какъ русскій литераторъ, отыскалъ бы намъ всю исторію этихъ монументовъ. Я думаю, что путешествіе по Россіи для художника творящаго—лучше и вѣрнѣе сдѣлать по окончаніи ученія своего въ чужихъ краяхъ.

~~~~~

СХІІ.

КЪ ОТЦУ.

(Окрестности Рима. Июль 1845.)

Получилъ я два письма, отъ 5 и 18 іюня. Отвѣчаю по порядку. Моллеръ, слава Богу, здоровъ; третьяго дня поѣхалъ въ Неаполь для морскихъ бань. Пожалуйста, не вѣрьте никогда пустымъ слухамъ, и не тревожьте этимъ престарѣлыхъ его родителей. Обо мнѣ тоже разнесся слухъ, что я ослѣпъ, между тѣмъ какъ глаза мои совсѣмъ теперь поправились. Люди злы, но мы не должны сгибаться подъ ихъ лакости и беспокоить себя и другихъ ими. Вотъ отсюда-то и нужна переписка, постоянная и правильная.

Письма ваши всегда доходили исправно: въ продолженіи 15 лѣтъ ни одного нѣтъ потеряннаго. Правда, я не такъ подробенъ, какъ вы въ вашихъ письмахъ, но вы представьте себѣ брата передъ отъѣздомъ, и вообразите, что у меня вчетверо болѣе хлопотъ и заботъ, и тогда вѣрно простите мнѣ, что пишу вамъ только о самомъ необходимомъ. Очень я встревоженъ вашимъ одиночествомъ. Братъ васъ оставилъ одинъ—все не такъ, какъ я полагалъ. Но видно, что нельзя было иначе. У меня все носится мысль въ головѣ, не повезетъ ли васъ въ Крымъ кто-нибудь изъ моихъ близкихъ пріятелей?

Меня совсѣмъ не огорчаетъ одинъ годъ содержанія; на противъ, я говорю, что слава Богу, что и это дали. Богъ милостивъ, поможетъ изобрѣсти мнѣ что-нибудь на вящее мнѣ пособіе. Пожалуйста, вы-то только не тревожьтесь. Предъ статье себѣ, что я имѣю огромный капиталъ, и какіе бы слухи до васъ ни доходили о моей бѣдности, не вѣрьте. Капиталъ въ самомъ дѣлѣ есть у меня—это четыре, пять образованныхъ друзей, настоящихъ русскихъ, которые видѣли въ моей картинѣ представителя успѣховъ отечества и, въ послѣднемъ случаѣ, готовы будутъ подѣлиться, или заимобразно дать собственныя деньги. Но вы не говорите никому объ этомъ, это не должно останавливать мои поиски на поддержаніе—я въ послѣднемъ случаѣ соглашусь работать на счетъ друзей. Изъ письма вашего видно, что братъ взялъ мало денегъ съ собой,—это большая ошибка. Сердце мое забилось, когда узналъ, что братъ уже тронулся за границу. Главное, однакожь, я представлялъ себѣ васъ—отпустить второго сына и остаться одному на старости! Какъ ни подумаю я объ этомъ, всегда грустно, все хочется поправить ваше положеніе. Очень благодаренъ брату, что везетъ для меня вашъ портретъ, но зачѣмъ не два? А я свой ему не отдамъ! Братъ меня много утѣшилъ, сказавъ доброе слово о племянницѣ Екат. Андр. ¹⁾, которая теперь составляетъ ваше утѣшеніе: онъ объ ней отозвался прекрасно, я ему совершенно повѣрилъ и доволенъ. Дай Богъ, чтобы она всегда была такова, какъ онъ мнѣ ее обрисовалъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ новопріѣзжихъ нашихъ художниковъ говорятъ мнѣ, что она еще и красавица, но у меня въ памяти все еще трехлѣтній ребенокъ, да и брата все еще не могу представить себѣ иначе, какъ 6-ти-лѣтнимъ мальчикомъ. Все хочется схватить его на руки, да нянчить и шутить, начинать разговоръ: ну, душа моя, Сережа, и проч.—Николая Ивановича Уткина мы готовимся принять, онъ стѣбитъ признательности. Иорданъ возьметъ на себя весь трудъ водить его вездѣ и все показать. Загадочный графъ Толстой! Никогда я не могъ себѣ его хорошо обрисовать. Посмотрю, что это за изящество? Онъ, однакожь, хорошій нашъ художникъ. А чья участь лучше: М. Н. Во-

¹⁾ Дочь академика Сумихъ и сестры Иванова—Екатерины Андреевны.

робьева, или ваша? Какъ вы думаете: промѣняетъ ли умный старикъ Воробьевъ свое положеніе на ваше? Боюсь вести далѣе этотъ разговоръ: вы назовете меня хвастуномъ.

Все, что черными чернилами будетъ писано, то пусть читаетъ племянница, а что красными, то уже прошу самихъ васъ прочитать, и никому не сообщать. А почеркъ перемѣнить не могу, потому-что истинно нѣтъ времени, всегда спѣшу. Рисунки мои отъ васъ возьмутъ безъ малѣйшихъ хлопотъ. Если нельзя свернуть, то пусть закажутъ ящикъ въ мѣру «Бойца», а въ него поставятъ «Венеру» и «Лаокоона». За пересылку заплатитъ Москва—я на этихъ условіяхъ ихъ подношу.

СХІІІ.

КЪ БРАТУ.

(Окрестности Рима. Августъ 1845.)

У меня сердце забилось, когда увидѣлъ изъ письма баятющку, что ты уже за границей. Благослови Господи твое путешествие. Я къ тебѣ послалъ письмо Чижова черезъ баятющку. Оно очень для тебя будетъ полезно. Взялъ ли ты съ собой достаточно денегъ, (чтобы путешествовать) не въ попыхахъ и не какъ попало, а зачерчивая всѣ замѣчательности по твоей части, закупаая гравюры, прямо архитектурныя? Ты очень мало былъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ, видѣлъ ихъ мелькомъ. Это весьма не хорошо. Купи себѣ хорошій гидъ и по Германіи, и по Италиі: лучший, кажется, — Ортари, на французскомъ языкѣ. Если деньги позволяютъ, то приближайся къ свиданію со мной какъ можно медленнѣе: меня не застанешь въ Римѣ—до самаго перваго октября я за-городомъ работаю; тебѣ загородная римская жизнь совсѣмъ не нужна.

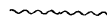
Изъ гйда Ортари ты увидишь, гдѣ что любопытнo въ Италиі, и чѣмъ болѣе городовъ увидишь, тѣмъ лучше; чѣмъ спокойнѣе и медленнѣе будешь смотрѣть на памятники, тѣмъ болѣе красотъ въ нихъ сыщешь, и болѣе они останутся въ памяти. Смотри и зачерчивай. Если же тебѣ не-

премѣнно хочется въ Римъ поскорѣе, если денегъ на проѣздъ нѣтъ, или обмануть за незнаніемъ языка, то поѣзжай въ Геную, а оттуда пароходомъ въ Чивитта-Веккію, и будешь въ Римъ въ двое сутокъ.

Рѣшеніе Академіи на счетъ меня совсѣмъ для меня не безпокойно. Я ищущу безпрестанно способовъ себѣ, и никогда ни на который навѣрно не надѣюсь,—у меня и теперь три четыре пути въ головѣ образуются, которые въ исполненіе буду приводить по-маленьку, а ты, пожалуйста, объ этомъ совсѣмъ не думай, а позаботься объ исполненіи твоего путешествія, сколь можно лучше, т.-е. вездѣ, гдѣ будешь все основательно замѣть, зачерти, прочитай объ этомъ. А тамъ, когда будешь въ Римѣ, то тогда и поговоримъ о моихъ дѣлахъ основательно и пространно. Теперь болѣе всего безпокоить меня сиротство нашего батюшки: я непремѣнно полагаю, ты его свезешь къ сестрѣ, а теперь надо прискати другаго,—я надѣюсь на Чигова. Онъ будущей зимой будетъ въ Петербургѣ, то-есть въ январѣ 1846 года.

Пошли это мое письмо къ батюшкѣ, скажи, чтобы извинилъ меня за почеркъ: онъ можетъ давать внучкѣ читать все то, что будетъ писано черными чернилами, а что красными — пусть самъ читаетъ, и совершенно чтобы никому не говорилъ.

СХІV.

КЪ БРАТУ.

Римъ, 10/22 сентября 1845.

Любезный братъ Сергѣй. Получилъ я письмо твое только сегодня, т.-е. въ понедѣльникъ, 22 сентября н. с. Вчера поздно пріѣхалъ я со всѣмъ приборомъ, изъ горъ, въ Римъ, гдѣ уже остаюсь до послѣднихъ чиселъ іюля будущаго 1846 г. Ты мнѣ ничего не пишешь, когда будешь въ Римѣ, а это важно мнѣ для нанятія квартиры. Я думалъ эту зиму жить съ тобой вмѣстѣ: это бы было и выгоднѣе для денегъ, и лучше, и веселѣе, и вѣрнѣе на случай прихварыванія,

безъ котораго трудно обойтись. Квартиры обыкновенно нанимаются теперь, т.-е. въ 1-хъ числахъ октября, иначе онѣ бываютъ разобраны, а остальные дорожаютъ. Я рѣшаюсь, однакоже, завтра же искать, и нанимаю только для себя: мнѣ ждать нельзя, а ты не пишешь, сколько останешься въ путешествіи. Ты не искалъ, какъ слѣдуетъ, въ старыхъ письмахъ, моего письма къ тебѣ въ Кельнгъ, гдѣ я тебя отговариваю ѣхать въ Парижъ, боясь, чтобы ты не истратилъ много денегъ, видя все какъ-нибудь бѣгло, мелькомъ, не зарисовывая, опираясь только на свѣдѣнія однихъ жогажыхъ, часто бессмысленныхъ и движимыхъ одной корыстью. Ты, кажется, даже не имѣешь хорошей книги «guide des voyageurs» извѣстныхъ городовъ, гдѣ всегда бываетъ рассказано подробно, исторически о монументахъ. Если бы ты, напр., прежде, (чѣмъ) прибылъ бы въ Римъ, прочиталъ бы обо всемъ, предварительно увидѣлъ бы все въ гравюрахъ, то тогда бы путешествіе твое на сѣверъ было бы прочнѣе и экономнѣе. Встрѣтилъ ли ты, по крайней мѣрѣ, ту особу, о которой тебѣ говорилъ Чижовъ, чтобы посоветоваться, какихъ книгъ тебѣ нужно пріобрѣсти въ Парижѣ? Вѣдь тутъ тоже немудрено промахнуться, накупивъ дряни. Если бы ты могъ купить для меня въ Парижѣ шестнадцатый и послѣдній томъ Библии Каена, который, вѣроятно, уже выпелъ, то сдѣлалъ бы большое одолженіе; всѣ пятнадцать я имѣю, благодаря Чижову:

«La Bible. Traduction nouvelle, avec l'Hebreu en regard, par S. Cahen. A Paris, chez l'auteur, rue des Singes, № 5.—Théophile Barrois, libraire, rue Richelieu, № 14.—Treuttel et Würtz, libraires, rue de Lille, № 17». Книги, кажется, стоятъ 6 франковъ. Холстинный зонтикъ для писанія этюдовъ съ натуры, который бы былъ въ діаметрѣ 2 арш. 10 верш. не меньше: онъ здѣсь стоить около 25 рубл., а главное—такого большаго нѣтъ. Работа и матеріалъ должны быть крѣпкіе и легкіе; копы или палка, на которую навинчивается зонтикъ, должна быть тяжелая и крѣпкая. Да еще двѣ пары остововъ очковъ безъ стеколъ—одни остовы нужны, я нашую кисею вмѣсто стеколъ,—такъ сказала Циммерманъ. Здѣсь тоже они есть, но очень плохой работы и тяжелы; нужно, чтобы они были для четырехъ стеколъ, какъ у батюшки зеленые. Ихъ я долженъ

надѣвать во время жаровъ, ходя по улицамъ бѣлыхъ домовъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ.

Вообще все матеріалы здѣсь выписываются изъ Парижа и Лондона, всегда оборышъ и дорого. Ты сюда вези для себя все, что тебѣ нужно, и совсѣмъ не надѣйся на Римъ.

Жаль, что ты не прислалъ ко мнѣ письмо твое отъ батюшки, — впрочемъ, я и извѣстіемъ доволенъ. Когда задумаешь винить насъ за пересылку къ тебѣ писемъ, то вспомни, сколько ты самъ былъ виноватъ предъ отъѣздомъ твоимъ за границу. Вѣдь я тогда истинно страдалъ, а между тѣмъ я занятъ еще болѣе тебя. У меня, кромѣ моей особы, трое-четверо на рукахъ, о счастіи которыхъ нужно думать, да еще и переписку вести съ людьми дѣльными: Гоголемъ, Языковымъ и Чижовымъ. Для Императрицы изъ Рима высылаются въ Палермо два художника: пейзажистъ и жанристъ, но неизвѣстно кто. Четыре въ виду: Воробьевъ, Штернбергъ, Серебряковъ и Раевъ. У меня съ тобой долженъ быть разговоръ объ устройствѣ положенія батюшки, — непремѣнно нужно, чтобы онъ поѣхалъ къ сестрѣ Екат. Андр. Чтобы это устроить, нужно знать отъ тебя все подробности настоящаго быта нашего дома, для чего жду тебя съ нетерпѣніемъ.

Братъ Александръ.

У меня мысль была спровадить нынѣшней зимой тебя въ Бари, чтобы сдѣлать перспективный рисунокъ церкви соборной, гдѣ покоятся мощи Николая Чудотворца, столь важнаго святаго для Россіи. Но эта же мысль пришла теперь Раеву. Онъ туда собирается, а я объ этомъ пятый годъ уже какъ думалъ. Это въ Калабріи. Здѣсь былъ Уткинъ; теперь — Воробьевъ: онъ пробудетъ до весны. Графа Толстаго ждутъ. Волконскій и Киль съѣхались въ Геную, чтобы встрѣтить Императрицу, и ѣхать съ ней на приготовленномъ пароходѣ въ Палермо. Сказываютъ, что Государь пріѣдетъ посѣтить супругу свою въ Палермо.

У меня еще секретецъ, который должны знать только трое, т.-е. я, ты и Чижовъ, виновникъ его. Мы должны переговорить втроемъ о путешествіи въ отечество Кирилла и Меѳодія — этихъ двухъ славянъ, важныхъ служителей всей

Россіи. Они намъ принесли религію, и съ нею поставили первый камень своего образованія. Чижовъ, путешествуя въ сихъ краяхъ, нашель много сокровищъ для себя, для тебя, какъ для архитектора, и для меня, какъ для живописца, старающагося узнать корень иконной живописи русской. Это тайна, которую ты не долженъ говорить даже батюшкѣ. Онъ можетъ проговориться, и нашъ замыселъ потеряетъ дѣвственность. Купи мнѣ еще Евангеліе на французскомъ языкѣ, эта книжечка стоитъ бездѣлицу—франкъ. Когда пріѣдешь въ Римъ, остановись у Франца—это подлѣ кафе Gresco, гдѣ найдешь мое письмо къ тебѣ, но лучше всего, если ты извѣстишь меня, когда будешь уже близко Рима.

CXV.

КЪ БРАТУ.

Римъ, 18 октября 1845.

Любезный братъ!

Не сердись на меня и не тревожься послѣднимъ письмомъ: ты частію тутъ виновать, потому что написалъ мнѣ очень невыгодно о твоихъ видахъ, а я, привыкнувъ видѣть въ молодыхъ пенсіонерахъ гулякъ и пьяницъ, принялъ на тотъ разъ и тебя въ ту же область. Но теперь я вижу, что ты совершенно похожъ на прошедшаго меня, и потому до тѣхъ поръ, пока у тебя есть деньги, совѣтую все ѣздить и медленно придвигаться къ Риму. Одно только все-таки заповѣдую тебѣ: *бери свое здоровье отъ всѣхъ соблазновъ и утонченностей разврата.* Это главный фундаментъ.

Не бойся безъязычія въ Италіи. Если ты будешь столько же строгъ къ самому себѣ, какъ былъ до сего времени, то очень можешь и съ французскимъ языкомъ пробираться изъ Генуи. Если сухимъ путемъ ѣхать въ Ливорно, то будешь видѣть прекрасныя мѣстоположенія, но это дороже, и для архитектора мало. Но изъ Ливорно я непременно совѣтую тебѣ оставить море, ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Пизу,

оттуда въ Лукку, хоть на день, потомъ опять въ Пизу и сейчасъ во Флоренцію. Въ дилижансѣ платится два піастра, т.-е. 10 руб.; на извозчикѣ, или веттурино, можно дешевле. Во Флоренціи остановись *Alle chiave d'oro*. Потомъ, по набережной *Lung'Arno*, ищи магазинъ модъ и русскихъ товаровъ Великанова, скажи ему, что ты мой братъ; сыщи съ нимъ Пименова, Кракау и Эльсона (Григорія), моего друга. Здѣсь, если у тебя денегъ не будетъ, то можешь занять, у кого хочешь изъ этихъ господъ, безъ дальнихъ церемоній: съ Великановымъ, напр., у меня безпрестанные счета и дѣла. Можетъ быть, Эльсонъ самъ будетъ выѣзжать въ Римъ, вмѣстѣ съ тобой. Но только я совѣтую тебѣ, съ помощію кого-нибудь изъ нихъ, нанять веттурино, чтобы взять тебя изъ Сіены и доставилъ въ Орвіето. Въ Сіену ты пустишься за два дня до выѣзда этого веттурина изъ Флоренціи, и будешь его дожидаться въ извѣстномъ трактирѣ, или *locand'ia*, и въ извѣстный часъ. Въ Орвіето ты увидишь нашихъ: Рязанова, Бенуа, Эпшингера, Росси. Увидишь, чѣмъ они занялись — это для тебя будетъ наставительно, разберешь ихъ трудъ для себя, но, пожалуйста, не оставайся у нихъ работать, какъ бы они тамъ тебя ни ласкали, и попроси Рязанова отъ меня пріискать случай ѣхать въ Римъ. Изъ Орвіето, если-бы ты могъ извѣстить меня, въ какой день и около котораго времени пріѣдешь въ Римъ, хорошо бы было.

Жительство мое въ Римѣ: *Via Capo le case*, № 56. Если пріѣдешь съ Эльсономъ, то изъ таможи прямо отправляйтесь ко мнѣ на квартиру, и скажи ему, что квартира и студія Серебрякова стоятъ пустя, по причинѣ отъѣзда его въ Палермо, и что онъ можетъ ее занять. Если хочешь, то (и) ты можешь въ ней жить.

Если бы ты могъ купить колоссальный зонтикъ для меня въ Парижѣ, или выслать его сюда съ комиссіонеромъ, уговорившись напередъ о цѣнѣ, очень бы одолжилъ.

Замѣть, пожалуйста, что въ Римѣ, и вообще въ Италіи, все оканчивается XVI-мъ столѣтіемъ; что все, что послѣ сей эпохи дѣлалось въ свѣтѣ, едва знаютъ по слуху, и, слѣдовательно, ни эстамповъ для архитектора, ни книгъ, ничего нѣтъ,—все вези изъ Парижа, ни матеріаловъ,—все дрянъ.

Какъ-то ты провезешь эстампы по римской границѣ? Если тебѣ нужно будетъ *lascia passage* ¹⁾, то напиши мнѣ изъ Флоренціи, поговори объ этомъ съ Великановымъ. Братъ твой Александръ.

CXVI.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Октябрь 1845.)

Шаповаловъ теперь хоть въ петлю полѣзай, а вы ему говорите, чтобы онъ при этомъ постоянно работалъ бы для своего отечества, что вы сбудете (его вещи). Да гдѣ же холстъ, гдѣ модель, краски, кто заплатитъ за квартиру? «*Madonna del Sacco*» ему не по силамъ: тутъ нужно искуснаго рисовальщика, а иначе выйдетъ вздоръ. Ему лучше ѣхать въ Венецію, да тамъ что-нибудь сдѣлать: тамъ рисунокъ—второе дѣло. Впрочемъ, я бы его пригвоздилъ теперь за рисовку со статуей, по крайней мѣрѣ, на полгода. Нужны тутъ деньги, и придумать острастку. Если сіе послѣднее не поможетъ, то немедленно послать его въ Россію. Объ Галагана деньгахъ я все еще не говорилъ ему. Я съ него потребую росписку на гербовой бумагѣ; скажу ему, что, при первомъ нарушеніи моего художническаго наставленія, я сажаю его въ тюрьму, до перваго удобнаго случая отправить его въ Россію. Но къ этому моему плану я приступлю тогда, когда буду имѣть возможность уплатить его долгъ и дать ему хоть маленькое содержаніе, т.-е. по 10 скудъ въ мѣсяцъ. Кто изъ насъ не правъ въ прерваніи переписки? Вы мнѣ не дали дальнѣйшихъ вашихъ адресовъ, а въ Вѣну я опоздалъ. Объ Галаганѣ совсѣмъ не зналъ, гдѣ онъ: у себя, или гдѣ на службѣ. Языковъ, я думаю, потерялъ мои письма,—послать ихъ къ вамъ тоже не въ попадь.

Никакъ не могъ я такъ скоро справиться объ изданіи съ фресокъ Беато Анджелико. Вѣдь это нужно справиться во Флоренціи.

¹⁾ Т.-е. пропускъ.

Если хотите шесть - семь рисунковъ Брюлло, которые я охотно сбуду, даже за чтò хотите — они мнѣ достались за долги отъ Засена, безъ вѣсти пропавшаго въ чужихъ краяхъ.

Хуже нѣтъ, какъ полумѣры, а еще хуже четвертныя. Давая Шаповалову, положимъ, хоть 5 скудъ въ мѣсяцъ, радъ онъ будетъ получить ихъ, а все-таки долженъ записаться отъ стука заимодавцевъ и дрожать ихъ встрѣтить. Въ этомъ положеніи совѣмъ нельзя работать.

Что мнѣ писать о себѣ? Думаль, пытался написать отвѣтъ Михайлову, но выходитъ горячо и грубо, и вообще очень не ловко мнѣ говорить самому о себѣ. Если бы вы были при мнѣ, я бы, можетъ быть, сочинилъ, а теперь мнѣ не съ кѣмъ посоветоваться.

Я Шаповалова такъ и прошу, чтобы былъ порядочный рисовальщикъ; чтобы могъ, кромѣ головы, пририсовать къ ней и шею, и руки; чтобы зналъ перспективу, безъ которой совѣмъ нельзя ничего чувствовать. При первомъ устройствѣ и возможности, для него я опять найму учителя. Но на этого необразованнаго и довольно тупаго малороссіянина нужно дѣйствовать иначе, чѣмъ (мы) съ вами думали. Острастка необходима, и чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ лучше.

Солнцева напишетъ видъ купола Петра въ кустахъ, съ дороги Aqua Acetosa.—зимой будетъ готовъ. Но Солнцева лѣнивъ и хвастунъ, все хвалитъ себя и свою работу — плохой знакъ для высоты художической. Онъ мнѣ сказывалъ, что братъ его назначенъ по именному повелѣнію ѣхать въ славянскія земли и въ Италію, для срисовки всего, сопркосновеннаго русскимъ школамъ и древностямъ. Вотъ наше проектированное путешествіе въ Альбанію!—хорошо, что еще русскому оно досталось. Вы говорите: «пусть всѣ русскіе пишутъ, да пишутъ, все сбудете» и проч. Я это давно самъ зналъ, да какъ насъ заставить работать? Все какъ-то намъ скучно или грустно въ розницу, такъ и хочется сойтиться; а сойдешься, такъ вотъ и пошли пировать, да пировать, а послѣ и давай извиняться то лѣтами, то незнаіемъ новыхъ мѣсть.

Съ перваго взгляда (особенно, когда и самъ ѣдешь въ той же каретѣ) нельзя назвать насъ мерзавцами, но, строго раз-

бирая, это то же—совершенный обманъ. Эльсонъ поправился, начинаетъ работать, и даже приволакиваться за дѣвочками, Онъ до ноября проживетъ во Флоренціи.

Думаютъ, что Киль ищетъ устроить академію: на его квартирѣ уже отведенъ залъ, для ежегодной выставки (работъ) русскихъ художниковъ. Къ стыду нашему, онъ очень удачно сказалъ Ставассеру, что деньги онъ будетъ давать только на его произведенія, и что долги его, вслѣдствіе кутежей, знать онъ не хочетъ, и что какъ бы Ставассеръ ни нуждался, хоть бы съ голоду умиралъ, онъ ему навѣрное ничего не дастъ. Эти слова показались обидными и для Климченко; однакожъ, они всѣ, и Рамазановъ, серьезно начали работать. Кто самъ собою править не умѣетъ, тому нуженъ правитель. Моллеръ здѣсь уже двѣ недѣли, съ двумя братьями и невѣсткою—люди любезные и добрые, но зачѣмъ они изъ всѣхъ силъ стараются быть русскими? Брюлло, слышно, говорить, чтобы Моллеръ не начиналъ большой картины этого сюжета. Моллеръ начнетъ картонъ, и скоро, а потомъ посмотритъ.

Видѣлъ я Моллера писанный эскизъ—слабо, видѣвъ ученикъ Брюлло. Брюлло не доволенъ его сочиненіемъ; говоритъ, что мало случайностей. Моллеръ же оставляетъ точно такъ, но все-таки я очень боюсь.

Смотря въ мою даль, я замѣчаю странную силу невѣжды, готовыхъ попустить меня въ жертву крайней нищеты и униженія.

Удивляюсь я, что вы до сихъ поръ не получали моихъ писемъ: два черезъ Языкова, одно чрезъ Судіенку, а послѣднее черезъ Галагана, къ которому писалъ я еще и особенно. Это меня начинаетъ беспокоить. Гоголь здѣсь со мной въ Римѣ, здоровъ и бодръ, съ нѣкоторыми нравственными перемѣнами. Больше терпѣливъ, и въ мирѣ съ гадостями свѣтскими. Самое замѣчательное то, что онъ меня проситъ извѣстить васъ, чтобы отнюдь не оставались вы больше году въ Россіи этотъ разъ, и даже, если можно, чтобы пріѣхали этимъ лѣтомъ на *Гельголандъ*—островъ, принадлежащій Англіи, гдѣ, говорятъ, самое лучшее мѣсто для купанья: онъ будетъ тамъ цѣлое лѣто, и имѣетъ съ вами говорить обо многомъ. Гоголь увѣряетъ, что очень, очень хорошо будетъ вамъ

съ нимъ свидѣться, послѣ вашего путешествія по Россіи. Замѣтьте и подумайте объ этомъ, онъ говорить серьёзно. Предъ Языковымъ я что-то себя подозрѣваю виноватымъ — онъ ко мнѣ не пишетъ. Я ему поручилъ хлопоты о своихъ картинахъ и, вѣроятно, это для больнаго тягостно. Сознаюсь, что поскользнулся. Пожалуйста, возьмите мѣры, чтобы это все поправить, и поставьте для меня Языкова на старый ладъ. Моя переписка съ вами прервалась изъ-за Солнцева: я погорячился, т.-е. поступилъ такъ, какъ бы поступили и вы. Самоотверженіе—во спасеніе его отъ пропасти, въ которую при мнѣ упали Серебряковъ и Шаповаловъ. Солнцевъ на первыхъ дняхъ думалъ, что я хочу быть его дядькой и что одѣваюсь въ неутомимое прилежаніе для его наставленій. Но послѣ онъ повѣрилъ, что дѣятельность моя не принужденная, и теперь онъ истинно меня любитъ. Вчера я завернулъ, послѣ четырехъ дневной разлуки, къ Сусаннѣ; приходитъ Солнцевъ, упрекаетъ меня, что давно не видно, цѣлуешь, обнимаетъ. Бѣда съ русскими! Гоголь говорить, что русскіе лишены отъ природы *база*, на которомъ можно бы было все безопасно ставить и строить. Это меня теперь очень занимаетъ. Чтѣ вы тутъ скажете, когда это оправдывается безпрестанно? Я грустенъ,—это потому, что, при всей моей ежедневной дѣятельности, люди приближаются ко мнѣ, видятъ во мнѣ бездѣйствіе, даже покушаются придумывать способы, чтобы возбудить меня къ дѣятельности—это обиднѣе насильства невѣжественнаго властелина. Вытаскивать глубокія тайны изъ моей души въ оправданіе — значило бы истощать силы, и только на короткое время заставлятъ ихъ убѣдиться, а между тѣмъ, истощая свои силы на это, болѣе ослабѣваешь, чѣмъ на самой работѣ.

Благодарю васъ усердно за предложеніе мнѣ суммъ на окончаніе картины. Пока я еще не имѣю надобности, и желалъ бы очень не доживать до той степени, чтобы существовать вашими трудами, даже и материально. Ахъ, какъ вы меня растрогали, представя мнѣ моего батюшку! Если можно, то объ этомъ безъ крайней нужды не упоминайте. Брата я жду въ половинѣ будущаго мѣсяца въ Римъ.

СХVII.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Ноябрь 1845.)

Моллеру я совѣтовалъ послать эскизъ свой къ Брюлло, какъ къ отцу своему по искусству. Онъ пошлетъ. Брюлло настойчиво ему говорилъ, чтобы начинать въ естественную величину фигуры. Третьяго дня носилъ Моллеръ къ Овербеку свой эскизъ, и вотъ что ему тотъ совѣтовалъ: Смотрите, чтобы у васъ любовь къ празднику Бахуса не превѣсила слово Иоанна, которому, натурально, должно вѣсѣмъ пожертвовать». Хвалили среднѣй группъ, но бока совѣтовалъ пересочинить: «Они очень смутны, нужно ихъ сдѣлать проще и понятнѣе, чтобы зритель не путался въ наставленныхъ и притиснутыхъ фигурахъ, одна на другую». Овербекъ сознается, что сюжетъ очень трудень, по причинѣ двухъ сильныхъ противоположностей; уговаривалъ отнюдь не дѣлать въ естественную величину — въ поль-роста, говорить, очень достаточно для того, чтобы выразить физиономію, опираясь на то, что въ большихъ размѣрахъ художникъ долженъ прибѣгать къ декорационному исполненію, и что отдѣлка тонкая въ большихъ размѣрахъ ни къ чему не служить, потому что нужно же разстояніе большое, чтобы обнять все глазомъ; потомъ, какъ рѣдко можно освѣтить большую картину! Моллеръ самъ говоритъ, что примѣровъ нѣтъ, въ лучшее время искусства, для большихъ картинъ масляными красками, что самая большая это—«Преображеніе», которая вдвое меньше моей. Я молчу. Мое мнѣніе совершенно согласно съ Овербекомъ; на счетъ его композиціи оно совершенно бы подтвердило Овербека. Моллеръ говоритъ: «Напрасно Овербека обвиняютъ, что онъ для не-католиковъ — несообщителенъ: онъ соединенъ съ нами какъ художникъ, и у насъ одно только и должно быть—искусство; зачѣмъ раздѣлять будетъ насъ религія?» Я сказалъ, что католики на лютеранъ смотрятъ, какъ на отпавшую ихъ часть, которая со временемъ опять будетъ у нихъ, а въ насъ, греко-русскихъ, видятъ рѣшительныхъ враговъ,—намъ труднѣе жить съ ними.

Штернбергъ уже возвратился изъ Неаполя, похудѣлъ, и уже часто плюетъ кровью. Циммерманъ совѣтуетъ ему жить въ Римѣ. Эльсона адресъ трудно вамъ дать—онъ медленно и покойно ѣдетъ въ Швейцарію. Солнцевъ хочетъ вамъ писать и благодарить за заказъ отъ Языкова. Онъ въ Ариччи, но у насъ все дождь, ему нельзя ничего тамъ дѣлать. О вашей статьѣ будутъ говорить, что вслѣдствіе нашей частной жизни вы обо мнѣ столь много тамъ наговорили. И будутъ говорить наши настоящіе русскіе.

Хорошо бы было черезъ Жеребцову выхлопотать Овербеку звѣзду. Государь этимъ бы показалъ вниманіе къ великому таланту, не смотря на разность религій, а мы бы подстрекнули его къ намъ болѣе приблизиться. Онъ всѣ свои картоны уже отправилъ, и будетъ дѣлать другіе.

«Страшный судъ», Микель Анджело, остановился въ гравюрѣ—и, Богъ знаетъ, когда выйдетъ. Очень бы любопытно было мнѣ знать о состояніи вашего здоровья въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно было въ Римѣ.

СХVIII.

КЪ ШЕВЫРЕВУ.

Римъ, 4/16 декабря 1845.

Прежде чѣмъ излію вамъ мои всѣ чувства, я долженъ сказать о сегодняшнемъ моемъ праздникѣ. Мы были всѣ въ горестномъ положеніи: наканунѣ архитекторы представили свои работы въ кабинетъ Государю, ожидая милостиваго одобренія, но Государь заболѣлъ. Ихъ (взяло) уныніе! Я перенесъ сейчасъ князю Волконскому. Добрѣйшій и благороднѣйшій вельможа русскій внялъ моей просьбѣ, и еще обѣщалъ мнѣ привести Государя въ мою студию. Враги было хотѣли отвести отъ меня посѣщеніе Государя. Караулили я у своего переулка, и вотъ стройный рядъ каретъ пронесся на публичную выставку иностранцевъ, на Piazza popolo. Это дало мнѣ знать, что Царь и выздоровѣлъ, и прекрасно приготовился

увидѣть произведенія русскихъ, посмотрѣвъ сначала на ничтожность всѣхъ иностранныхъ. Усердный слуга царскій, князь Волконскій, прискакалъ во весь опоръ къ моей студіи, съ извѣстіемъ, что сейчасъ будетъ ко мнѣ Государь. Эта минута моя была самая высокая въ моей земной жизни, я внутренно укрѣплялся молитвой, и вотъ—Царь. Онъ раскрылъ во мнѣ чувство, которое до его пріѣзда я совсѣмъ не зналъ—чувство моей собственной значимости, которое такъ сильно меня занимаетъ. Не сочтите это за гордость и тщеславіе, я въ этомъ только вамъ однимъ и признаюсь, и то въ этотъ сегодняшний день.

Чижова все еще нѣтъ въ Римѣ, но я жду его со дня на день. Никогда онъ еще не былъ мнѣ такъ нуженъ, какъ теперь: очень многое и важное онъ долженъ теперь порѣшить. Гоголь въ Неаполѣ, будетъ въ Римѣ въ февралѣ ¹⁾. Благодарю усердно васъ за книгу «Древности русскія», я наконецъ ее получилъ отъ княгини Зинанды Волконской. Чижовъ писалъ, что вамъ легче; если это не отъ новой болѣзни, а отъ обыкновеннаго вашего недуга, то я сердечно этому радуюсь. Дай Богъ вамъ еще лучшаго здоровья, во славу и силу Россіи, во славу Божію.

¹⁾ Непонятно, какъ могъ Ивановъ писать про Гоголя въ декабрѣ 1845, что тотъ въ Неаполѣ и будетъ въ Римѣ только въ февралѣ слѣдующаго года, когда Гоголь прожилъ безвыѣздно въ Римѣ съ октября 1845 до іюня 1846, и въ нѣсколькихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ самъ рассказывалъ, какъ очевидецъ, о томъ же посѣщеніи Императоромъ Николаемъ I Рима, въ декабрѣ 1845, о которомъ говоритъ Ивановъ въ этомъ и въ слѣдующихъ своихъ письмахъ (См. Сочиненія Гоголя, изд. Кулиша, VI, 228—236). Однимъ можно объяснить эту странность—это тѣмъ, что вся приписка о Чижовѣ и Гоголѣ относится совсѣмъ не къ этому письму, а къ какому-нибудь другому (конца 1846 г.), и попала сюда совершенно случайно: Ивановъ просто могъ въ своемъ альбомѣ, куда онъ заносилъ свои черновыя письма, печатаемые теперь нами, набросать эту приписку именно подъ этимъ письмомъ, когда тамъ оставалось свободное мѣсто, нехватавшее подъ тѣмъ, къ которому она собственно должна была относиться. Слѣдовательно, и выражаемая здѣсь же благодарность Шевьеру за присылку „Памятниковъ московскихъ древностей“, Снегирева, принадлежитъ позднѣйшему времени.

СХІХ.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Декабрь 1845.)

Теперь только управился я съ дѣлами, послалъ къ вамъ два письма самыя важныя: первое заключаетъ прїѣздъ Государя въ Римъ, а второе—представленіе объ насъ. Это послѣднее нужно, чтобы было подъ секретомъ между нами, и если вы послали его къ Языкову, то остановите его, чтобы не посылалъ въ Петербургъ. Теперь прежде всего я буду отвѣчать на ваше письмо отъ 4 ноября. Почему вы думаете, что картина Шаповаленки продана въ Петербургъ? Она писана для Галагана. Благодарю васъ за Шаповаленку, что уполномочили меня взять ваши деньги для него, но я Ш. еще не выдаю. Онъ, можетъ быть, получить здѣсь копію отъ Государя, и тѣмъ поправить свое положеніе. Правду вамъ сказать, онъ не стоитъ ни моихъ, ни вашихъ о немъ стараній, ну да объ этомъ послѣ. О Серебряковѣ нѣтъ слуховъ. Какъ онъ тамъ въ Палермо,—узнать не откуда. Императрица будетъ сюда 10 марта, тогда будетъ съ нею и Серебряковъ, и тогда только можно будетъ говорить и о Серебряковѣ. Теперь и Сомовъ ¹⁾ разбитъ параличомъ почти на смерть, вслѣдствіе потребованныхъ отчетовъ княземъ Волконскимъ.

Бѣдный Гоголь все прихварываетъ. Я думаю, что тутъ много моральныхъ причинъ въ его болѣзни: его сочиненіе не пропущено, а онъ къ тому же еще бѣдный человекъ. Я его понимаю, потому что и самъ нахожусь въ подобномъ положеніи. Цвѣтъ Россіи мной доволенъ, радуется, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моей картины, самъ Царь тѣхъ же чувствъ. Но я все-таки вотъ и теперь остаюсь нищимъ, а нищій художникъ большаго размѣра произведеній несравненно безсильнѣе поэта, котораго произведенія все-таки меньше требуютъ матеріальныхъ издержекъ. Кн. Волконскій рѣшительно не только не хочетъ самъ посылать представленія объ насъ графа Толстаго, но не хочетъ приказатъ своимъ

¹⁾ Секретарь Кляя, директора русскихъ пенсіонеровъ въ Римѣ, скрывшійся вскорѣ съ казенными деньгами въ Америку.

именемъ, чтобы тотъ послалъ его къ Лейхтенбергскому. Однакоже, онъ ѣдетъ къ Лейхтенбергскому, хотя на слабыхъ опорахъ. Я и графъ никакъ не надѣмся, чтобы тутъ что-нибудь вышло, потому вся надежда у меня на дѣло Потемкина. Я здѣсь буду просить министра юстиціи: онъ вернется сюда къ Пасхѣ. Буду просить черезъ Волконскаго, если старикъ согласится. Но это все только *буду*, а что будетъ изъ этого *буду*, я и самъ не знаю. Ваша статья, какъ говорить Языковъ, печатается. Выставка въ Академіи Художествъ, какъ слышно, отложена до пріѣзда Государя въ Петербургъ, а то будетъ на-дняхъ: къ 1-му январю по нашему стилю онъ тамъ будетъ.

Не одного васъ обстанавливаютъ люди пошлые. Высунулся (я) въ ихъ толпу, именно потому, что видѣлъ ихъ-же погибающими, что чувствовалъ въ себѣ силы имъ помочь, и что-же? Въ то время, когда я не спалъ нѣсколько ночей сряду, писалъ и переписывалъ сочиненія представленій, не угодныя однимъ выраженіемъ Солнцеву, послалъ къ нему бумагу для предварительнаго разсмотрѣнія и подписи его имени,—чтоже вы думаете? При всѣхъ, у Лепри ¹⁾, Солнцевъ входитъ, какъ бѣшенный звѣрь, и съ позорнымъ словомъ нападаетъ на меня, кричитъ и не даетъ мнѣ выговорить ни слова,—каково! Часовъ черезъ шесть послѣ этой ужасной сцены онъ со мной встрѣтился одинъ, извинился, что онъ горячъ,—что что-же дѣлать? и проч. Онъ извинился наединѣ, а у гостей и у другихъ товарищей оставилъ меня въ подлецахъ. Вотъ чѣмъ кончилась моя трагедія!

Я далъ слово не показываться въ русское общество до окончанія моей картины.

Овербекъ окончилъ картину свою «Положеніе въ гробъ»—безподобно! Еще сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ: «Тайная вечеря» и «Христосъ, удрученный, обращается къ плачущимъ»—безподобны! Тутъ-же «Маленькій Христосъ-столяръ шлеть, въ присутствіи Іосифа и Маріи» — ну, уже эта католическая дичь въ пору тому, что «Христосъ метлой мететъ стружки изъ-подъ Іосифова станка». Нельзя, нельзя такъ вольничать,

¹⁾ Трактиръ, гдѣ обыкновенно обѣдаютъ русскіе художники.

да и зачѣмъ? Поѣздкѣ въ славянскія земли я очень радъ, но я одного боюсь—лихорадки. Правда ли, что тамъ *agria cativa*? Тогда бѣда, я захвораю и остановлю и васъ, и брата моего. Онъ сюда, я думаю, будетъ скоро. Онъ засѣлъ въ Парижѣ учиться математикѣ у Бориспольца, русскаго отставного капитана артиллеріи ¹⁾. Вы лучше насъ знаете, сколько нужно въ мѣсяцъ на путешествіе въ славянскія земли,—вы тамъ были. Разумѣется, къ этому мнѣ нужно спросить брата, какъ онъ и что? Глаза мои все въ томъ-же положеніи, т.-е. съ осторожностью можно работать по 6 и 8 часовъ въ день.

Я познакомился съ Галаховымъ, но до сихъ поръ еще не имѣлъ возможности съ нимъ сойтись: вѣдь пятидневный пріѣздъ Государя занялъ меня на два мѣсяца ²⁾! Повѣдаю вамъ тайну. Вы теперь въ Москвѣ; у меня давно былъ планъ украсить внутреннія стѣны московскаго храма Спасителя ландшафтами, т.-е. послать русскихъ художниковъ въ Сирию, чтобы написали съ натуры всѣ тѣ мѣста Св. земли, гдѣ случились важнѣйшія происшествія со Спасителемъ. Стѣны можно раздѣлить на двѣ половины поперегъ: первая будетъ представлять мѣста, какъ они есть теперь, а вторая, верхняя,—реставрированныя, съ небольшими фигурами эпохи Христа, напоминающими историческое происшествіе, т.-е. это будетъ Николай Первый, путешествовавшій въ Св. мѣста, и, слѣдовательно, создавшій не только комнаты, похожія на итальянскія, но (который), ознакомившись и напившись тѣми мѣстами, гдѣ именно касались стопы Спасителя, создаетъ, съ помощью православной нашей вѣры, новые ландшафты, болѣе опредѣленные, вѣрные, усовершенствованные. Обо всемъ этомъ хорошо бы поговорить съ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ, и тотчасъ описать мнѣ его мнѣніе. Я объ этомъ

¹⁾ Плат. Тимое. Бориспольецъ, уже въ зрѣлыхъ годахъ, оставилъ военную службу, чтобъ заняться искусствомъ. Послѣ классовъ петербургской Академіи Художествъ, онъ поѣхалъ въ чужіе края, и произвелъ тамъ, между прочимъ, нѣсколько превосходнѣйшихъ копій съ лучшихъ картинъ. Особенно важны его копія съ картинъ: „Pietro martire“ и „Положеніе во гробъ“, Тициана и „Madonna del Sacco“, Андрея дель-Карто.

²⁾ Государь пробылъ въ Римѣ съ 1 (13) по 5 (17) декабря 1845.

говорилъ здѣсь Раеву, и онъ бросился меня цѣловать и обнимать за мысль; говорилъ Солнцеву, и онъ въ восхищеніи—молился Богу объ исполненіи моей мысли. Это все осталось между нами великой тайной. Замѣчательно, однакожь, что мысль моя, присвоенная Раевымъ, никакъ не желаетъ, чтобы тутъ Солнцевъ имѣлъ участіе; мысль моя, усвоенная Солнцевымъ, никакъ не хочетъ Раева. Это вѣдь, впрочемъ, по-русски. Мы только соединяемся тогда, когда грозить намъ общая большая бѣда.

Григорій Волконскій живое участіе беретъ здѣсь въ русскихъ художникахъ; черезъ него я надѣюсь довести эту мысль до Государя, если, однакожь, великій пастырь нашей церкви въ Москвѣ благословитъ мое намѣреніе.

СХХ.

КЪ БРАТУ.

Римъ. Декабря 20 (н. с.), 1845.

Мой братъ!

Поздравь меня и всѣхъ художниковъ русскихъ съ добрымъ царскимъ словомъ. Нашъ общій батюшка уѣхалъ отсюда наканунѣ своего ангела. Я тебѣ непременно все опишу подробно, но теперь я очень занятъ всѣмъ моимъ обществомъ.

Получилъ я вчера письма отъ батюшки, сестры Екат. Андр., племянницы Екат. Андр., Алекс. Андр. и Демерта. Они пишутъ и тебѣ, полагая, что ты въ Римѣ; я тебѣ все это перешлю, но теперь дѣло вотъ въ чемъ.

Борисполець, какъ видно, очень нуждается, а ты только изъ-за его математическихъ лекцій остаешься въ Парижѣ. Согласи, пожалуйста, его, чтобы онъ пустился съ тобой вмѣстѣ въ Римъ. Въ Римѣ гораздо легче будетъ ему найти работы отъ частныхъ людей русскихъ. Учиться же живописи тоже гораздо лучше и вѣрнѣе въ Римѣ, чѣмъ въ развратной школѣ парижской. Да вотъ еще что: очень можетъ быть, что Государь далъ вспоможеніе художникамъ русскимъ въ

Римѣ; объ этомъ, конечно, мы не знаемъ навѣрное теперь, но много данныхъ на это надѣяться, и потому есть надежда Бориспольцу въ Римѣ прямо получить заказъ. Пожалуйста, поговори съ нимъ объ этомъ немедленно и обстоятельно, и дай мнѣ тотчасъ объ этомъ знать, такъ, чтобы я могъ письмо Бориспольца ко мнѣ—представить на разсмотрѣніе графу Толстому, нашему вице-президенту, который совершенно уже расположенъ въ его пользу.

Получилъ-ли ты деньги—500 руб. ассигнаціями, которыя я недавно послалъ къ тебѣ въ Парижъ?

Бога ради скорѣе на все на это отвѣчай, чтобы послѣ не раскаяваться, когда узнаешь всѣ подробности обстоятельствомъ.

Если тебѣ нужны деньги, то пиши мнѣ, а на сонную Академію не надѣйся.

Совершенно тебѣ преданный братъ

Александръ.

Всѣ слава Богу у насъ въ Петербургѣ здоровы, а здѣсь одинъ Эппингеръ хвораетъ.

Пошли, пожалуйста, это письмо въ Петербургъ къ батюшкѣ, какъ только его прочтешь.

CXXXI.

КЪ БРАТУ.

Римъ, 2 января 1846.

Любезный братъ!

Купи ты, пожалуйста, эту книгу для Гоголя. Ты, кажется, знакомъ съ его знакомымъ въ Парижѣ, который съ тобой посылаетъ другія для него книги: «Rituel des prières journalières à l'usage des Israélites. Hébreu et français, traduction de S. Anspach; 1 vol. in—8°, 2-me édition, 4 fr.»

Теперь только я управился съ просьбами художниковъ и представленіями на нихъ Государю, по случаю его пріѣзда въ Римъ. Все на мнѣ лежало. Управился, и вотъ тебѣ по-

сылаю самыя любопытныя письма батюшки, исключая дѣла графа Потемкина, что на особомъ листѣ, и письма Екат. Андр., сестры нашей, ко мнѣ.

Увѣрь ты батюшку, или, лучше, пошли это письмо мое, какъ есть. Я *объявляю*, что батюшка меня никакъ не понимаетъ. Я хотѣлъ облегчить его многописаніе ко мнѣ, для него трудное, и вотъ почему говорилъ, что не желаю знать ничего, кромѣ состоянія его здоровья; но что если можно получать мнѣ или о немъ, или отъ него самаго, какія бы то ни было другія вѣсти, то для меня доставятъ онѣ всегда величайшее удовольствіе. Пожалуйста, поищи деньги мои, которыя я послалъ тебѣ чрезъ наше посольство въ Парижѣ. Тамъ и справься, если до сихъ поръ не получалъ, и если тебѣ нужно еще, то напиши мнѣ немедленно, и, пожалуйста, не надѣйся на сонную Академію. Знаменитый лѣнью Григоровичъ пока напишетъ, пока доложитъ, пока проснется, ты можешь 4 раза умереть съ голоду, а что еще хуже—остановить свои успѣхи. А что, я думаю, ты уже простилъ меня за дѣло Засена, имѣя теперь подлѣ себя Бориспольца? То-то вотъ и есть, что у насъ съ тобой не дерево, а сердце.

Въ Парижѣ существуетъ Политехническая школа; пожалуйста, познакомься съ ней. Наши архитекторы: Бенуа, Рязановъ и другіе, чрезъ два мѣсяца пріѣдутъ туда учиться математикѣ.

Вотъ тебѣ выписка изъ представленія архитекторовъ герцогу Лейхтенбергскому, при препровожденіи ихъ представленій Государю, по случаю необыкновеннаго его путешествія въ Римъ:

«Награиврованіе превосходныхъ рисунковъ архитекторовъ, прямо относящихся къ украшенію нашихъ православныхъ церквей, весьма полезно будетъ для всѣхъ вообще, неимѣющихъ средствъ на выѣздъ за-границу, нашихъ архитекторовъ, и въ то же время покажетъ степень образованія, всей Европѣ, трудившихся русскихъ. Ихъ содержанія, какъ замѣтите въ приложенной здѣсь бумагѣ, достаетъ только для безвыѣзднаго прожитія въ Римѣ, но для годовъ путешествія во всѣ стороны свѣта необходимо имъ испросить хотя бы еще по полторы тысячи для каждаго».

Хорошо, если бы ты купилъ книгъ, для тебя полезныхъ, въ Парижѣ. Но не знаю, съумѣешь ли ты это сдѣлать, не будучи знакомъ ни съ лучшими тамъ математиками, ни съ архитекторами. Я тебя, можетъ быть, буду просить купить мнѣ еще экземпляръ 16-ти томовъ Библии, Каэна.

Я къ тебѣ недавно послалъ письмо съ приглашеніемъ Бориспольца въ Римъ. Пожалуйста, отвѣчай скорѣе и на то, и на это. Да присылай оригинальныя письма батюшки непремѣнно тотчасъ по прочтеніи, а то, вѣдь, у меня силъ нѣтъ дожидаться по полугоду ихъ, изъ-за того только, что тебѣ лѣнь завернуть въ свое письмо — письмо батюшки. Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Бр. А.

СХХІІ.

КЪ БРАТУ.

Римъ, 10 января 1846.

Любезный братъ Сергѣй. Пожалуйста, не медли никогда отвѣтомъ на мои письма: изъ этого могутъ быть и непріятности, и потеря нашего времени. Да еще положи себѣ за правило посылать ко мнѣ всегда письма оригинальныя батюшки къ тебѣ, какъ бы они грузны ни были, или странны.

Отвѣчаю тебѣ на послѣднее письмо твое, отъ 18/30 декабря.

Я думалъ тебѣ послать сейчасъ еще денегъ моихъ, но придумалъ теперь еще лучше. Сходи ты съ приложеннымъ здѣсь письмомъ къ графу Александру Петровичу Толстому (rue de la Paix, № 9), гдѣ получишь отъ него тысячу рублей ассигнаціями, которую я здѣсь сегодня же заплачу Гоголю, чтобы передалъ графинѣ Апраксиной, родной сестрѣ помянутаго Толстаго, чтѣ находится теперь въ Римѣ. Когда же со мной ты лично увидишься въ Римѣ, то и отдашь мнѣ весь долгъ твой твоимъ пенсіономъ, который здѣсь получишь, а теперь, пожалуйста, не уродуй путешествія твоего изъ-за

денегъ. Приближайся сюда, елико возможно, тише, не пропуская ничего. Я бы тебѣ никакъ не совѣтоваль вѣрить, что послано въ Парижъ твое третное содержаніе, потому что Григоровичъ страшно лѣнивъ. На всякій случай сходи ты въ посольство, и попроси тамъ, чтобы тебѣ это третное содержаніе переслали въ Римъ, а самъ поѣзжай на мои деньги покуда потихоньку по Италиі, не теряя совѣмъ времени. Кажется, что твои занятія математикой съ Бориспольцемъ не имѣють успѣха.

Если у тебя всѣ деньги истратятся до Флоренці, то займи тамъ моимъ именемъ отъ купца Великанова, — что на Lung'Arno магазинъ модъ и русскихъ товаровъ. Тамъ же встрѣтишь Пименова. Какъ жаль, что ты мнѣ ни слова не сказалъ о Бориспольцѣ. Я къ тебѣ писалъ еще два письма, на которыя отвѣта жду съ нетерпѣніемъ. Видишь-ли въ чемъ дѣло: Бориспольцу здѣсь назначается копія отъ Государя, хотя и съ посредственнаго оригинала, однакоже за 6000 руб. Намъ всѣмъ очень бы желательно знать, желаетъ-ли онъ этого, или нѣтъ? Мнѣ кажется, что онъ очень ошибается, оставаясь въ нуждающемся положеніи въ Парижѣ: здѣсь онъ все-таки могъ бы лучше держаться. Однакожь, говоря строго, тебѣ съ нимъ ѣхать все-таки нельзя; пусть его ѣдетъ одинъ: ему, какъ уже устарѣвшему и безденежному, выгоднѣе ѣхать скоро, что тебѣ совѣмъ ненужно. Тебѣ здѣсь тоже назначается работа отъ Государя, что особенно заплатится, какъ и другимъ пенсионерамъ-архитекторамъ.

Не забудь себѣ купить нужныхъ книгъ въ Парижѣ—математическихъ; смотри только, не ошибись.

Преданный тебѣ братъ

Александръ.

СХХІІІ.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Январь 1846.)

Любезный братъ!

Ты ужъ какъ хочешь, а все-таки не правъ въ своей медленности. Изволь-ка ты впередъ почаще навѣщать почту во всѣхъ городахъ большихъ, чрезъ которые поѣдешь, а мнѣ напиши сейчасъ-же роспись приблизительную, гдѣ будешь и сколько времени останешься, дабы я могъ тебя, въ случаѣ крайней нужды, извѣщать, и поставь себѣ за правило тотчасъ отвѣчать на мои письма.

Я тебѣ еще хотѣлъ доставить денегъ чрезъ графа Толстаго, Александра Петровича, и если онѣ тебѣ нужны, то возьми, а здѣсь въ Римѣ мнѣ отдашь своимъ пенсіономъ. Мнѣ кажется, все лучше имѣть деньги лишнія въ дорогѣ, чѣмъ не имѣть, или имѣть въ обрѣзъ. На счетъ посольства я тебѣ сказалъ: что если не получишь скоро своего содержанія академическаго, такъ чтобы поручить тамъ тебѣ его переслать въ Римъ. Ты теперь имѣешь треть твою въ рукахъ, и если не сказалъ Академіи, чтобы и вторую треть тебѣ выслали въ Парижъ, то ничего не нужно тебѣ въ нашемъ посольствѣ въ Парижѣ говорить.

Работы архитекторамъ отъ Государя здѣсь уже распределяются. Разумѣется, не быть на лицо и быть моложе всѣхъ — трудновато получить хорошій кусокъ, но, впрочемъ, я поговорю объ этомъ съ Рязановымъ. Пожалуйста, ты не надѣйся на Римъ въ разсужденіи свѣдѣній: здѣсь только одна изящная архитектура на самой практикѣ, т.-е. монументы стоятъ въ оригиналахъ всякаго рода. Но ученость и свѣдѣнія, описанія ихъ и измѣренія,—все, все въ Парижѣ и Лондонѣ, а потому ты вези съ собой книгъ о механикѣ и физикѣ. Неужели у тебя до сихъ поръ никого-таки нѣтъ въ Парижѣ, чтобы спросить, гдѣ найти честнаго коммиссіонера и переслать всѣ книги твои и чемоданы въ Ливорно? Вѣдь этимъ ты бы себя очень высвободилъ. Ливорно—очень

порядочный порто-франко: ты всё вещи свои получишь безъ малѣйшихъ пошлинъ, и только за провозъ заплатишь. Съ Чивитта-Веккiей не совѣтую связываться, — это подлець. Ужъ терпѣть, такъ одинъ разъ — на папской границѣ, и то тогда, когда всё вещи подлѣ себя. И такъ, до самаго Ливорно, въ который совѣтую тебѣ заѣхать или приближаясь къ Флоренціи, или изъ Флоренціи, ты совершенно будешь свободенъ—съ мѣшкомъ для бѣлья и деньгами, а чрезъ Мерли посылать тоже дорого, потому что коснулось папскаго владѣнія. Теперь я бы совѣтовалъ тебѣ осмотрѣть Флоренцію, потомъ всю верхнюю Италію, а изъ Флоренціи непременно ужъ мнѣ написать: къ тому времени тамъ будутъ наши, т.-е. Ковригинъ и Шаповаленко, и тебѣ, если нужно, во всемъ пособять. Они, кажется, будутъ тамъ на первой недѣлѣ католическаго поста. Очень жалѣю, что Борисполець всё ждетъ какой-то официальности; все еще онъ не убѣдился, что еслибы и Царь не былъ въ Римѣ, если бы и копій не заказывалъ, то все-таки слѣдуетъ ему ѣхать безъ оглядки изъ Парижа въ Римъ. Ну да вѣдь съ людьми не сладишь.

Я очень извинялся въ послѣднемъ письмѣ передъ моею племянницей. Объ этомъ послѣ,—кажется, дѣло не кончено.

Точно была тебѣ записочка отъ кого-то, Очкина—я думаю, но такая маленькая, что я ее въ суетахъ потерялъ.

Представленіе объ архитекторахъ поѣхало въ Петербургъ, совсѣмъ другимъ. Тамъ и я представленъ къ содержанію на три года, для окончанія моей картины, на что имѣю именное повелѣніе. Посмотримъ, чѣмъ это все кончится. Покуда дѣло идетъ объ исполненіи заказовъ, милостиво пожалованныхъ Государемъ живописцамъ, архитекторамъ и скульпторамъ. Эппингеръ выздоровѣлъ. Его не любятъ товарищи, и, судя по его дѣламъ нравственнымъ, онъ не хорошій человекъ. *Это, однакоже, между нами, братъ.*

Прощай, душа Сережа. Да сохранить Богъ твое здоровье и благословить къ обоюдному свиданію. Братъ твой

Ивановъ.

Бориспольцу покуда, кажется, назначено: «Взятіе на небо Богоматери», Андрея del Sarto, саро d'orega—превосходная

вещь, во Флоренці, въ галереѣ Питти, и потомъ; въ Римѣ, «Введеніе во храмъ Богородицы», Romagnoli—посредственная вещь;—а впрочемъ, еще не утверждено.

Если бы ты могъ для насъ сдѣлать услугу: когда будешь въ Чертозѣ Павійской, то начерти, пожалуйста, въ маленькомъ видѣ, въ письмѣ (кое-какъ, чтобы имѣть только идею) четыре вещички: 1) «Св. Веронику, показывающую ликъ Спасителя своимъ подругамъ», Camillo Procaccini; 2) въ алтарѣ св. Михаила — два отдѣла образа Перуджино: одинъ—«Богъ Отецъ съ херувимами», другой—«Богородица съ Михаиломъ, Рафаиломъ и Товіемъ», чѣмъ весьма обяжешь все наше общество и начальство.

Есть заказъ архитекторскій въ Павійской Чертозѣ, я постараюсь, чтобы онъ достался тебѣ, цѣна отъ тебя будетъ зависѣть. О подробностяхъ напишу къ тебѣ въ Миланъ. Только ты, пожалуйста, непременно доищись тамъ моего письма, и тотчасъ по приѣздѣ.

СХХІV.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Январь 1846.)

Любезный братъ.

Какъ бы хорошо было, если бы ты заглядывалъ почаще на почту. Вотъ тебѣ—опять письмо, а вѣдь послалъ вчера другое. Посмотри, пожалуйста, машину, называемую «діаграфъ», посредствомъ которой рисуютъ съ картинъ и съ природы въ маломъ, такомъ какъ есть, и въ колоссальномъ видѣ. Мастеръ и изобрѣтатель ея называется Гаваръ. Говорятъ, что онъ еще болѣе усовершенствовалъ ее, и дѣлать можно весьма вѣрно и тонко контуры. Сказываютъ французскіе художники, что съ помощью ея рисуютъ въ королевской галереѣ картины для изданія. Пожалуйста, узнай отъ рисовальщиковъ и мастера Гавара, какъ ею владѣть, и если поймешь на опытъ, т.-е. самъ въ состояніи

будешь и поставить ее, и хоть что-нибудь нарисовать, то купи тотчасъ, или условься съ мастеромъ обстоятельно, какимъ образомъ можно ее доставить въ Римъ, и за сколько съ провозомъ. Если услышу отъ тебя, что ты ее совершенно понялъ дѣйствіе, что, говорятъ, очень не легко, то я лишь только получу отъ тебя письмо, то сейчасъ же и деньги за нее вышлю, куда ты назначишь. Ты этимъ послужишь и мнѣ, и всему обществу русскихъ художниковъ. Но не рѣшайся ни на что, если не узнаешь самъ на опытъ въ дѣйствіи машины: говорятъ всѣ, что это трудно. Купить-то легко, да что толку, коли не будешь знать, что съ ней дѣлать.

На счетъ 16 томовъ другаго экземпляра Библии ты только справишься, какимъ образомъ и за сколько издатель, или продавецъ, можетъ доставить ее въ Римъ, если ужъ ты не купилъ. Эти 16-ть томовъ я прочу въ пользу художниковъ русскихъ, потому что у меня-то есть, кромѣ одного шестнадцатаго, который ты везешь. Хорошо бы было, если бы и Борисполець занялся бы пробой этой машины: вѣдь это и для него пригодилось бы.

Бориспольцу не говори покуда, что ему назначается «Взятіе на небо Богоматери», Андрея del Sarto, во Флоренціи, потому что дѣло еще въ ходу, не утверждено. Сегодня я слышалъ, что ему назначается, вмѣсто этого, въ Чертозѣ Павійской «Св. Вероника, показывающая ликъ Спасителя своимъ подругамъ», Camillo Procaccini. На это нужно, чтобы прежде графу Толстому прислали съ нея хоть какой-нибудь рисунокъ, и сказали бы что-нибудь о достоинствѣ сей картины, весьма, впрочемъ, выхваляемой въ гдаяхъ. Я поручилъ сдѣлать справку одному итальянцу, но все лучше, если бы ты это сдѣлалъ, и начертилъ бы въ письмѣ, въ маленькомъ видѣ, всѣ означенныя въ прошедшемъ письмѣ композиціи, и притомъ справился бы въ Миланѣ у *Дука Мельци*: не находятся ли у него оригиналы Перуджино, помѣщенные копіями въ Чертозѣ?

Тебѣ, какъ кажется, назначается скопировать плафонъ въ залѣ аудіенціи въ Palazzo Vecchio, во Флоренціи, называемый «Соффитъ Тассовъ». Вотъ какъ оказалось по справ-

камъ, здѣсь мною собраннымъ: эта зала—архитектуры Benedetto di Majano; софитъ былъ выгравированъ Marco del Tasso и Domenico e Giugliano—его братьями, знаменитыми рѣзчиками изъ дерева; живопись, руки Cecco Salviati, представляетъ il mento di Camillo. Весь софитъ никогда еще не былъ награвированъ, и не находится въ описаніяхъ жизни сихъ художниковъ; подробнаго о немъ описанія, или мѣръ—нѣтъ.

О павійскомъ заказѣ, назначающемся тебѣ, вотъ какъ сказано: «Dessin. Du côté droit prendre le dessin de l'autel en marbre, fond jaune, avec fleurs de lys, en mosaïque de Florence».

Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ заказѣ я никакъ не могу до сихъ поръ узнать, но я тебѣ ихъ опишу въ Миланѣ.

Прощай. Братъ твой

Александръ.

Чижевъ ужъ третій разъ спрашиваетъ меня: не поѣдешь ли ты нынѣшнимъ лѣтомъ съ нимъ по славянскимъ землямъ—ислѣдовать строенія церквей въ отечествѣ Кирилла и Меодія, что принесли въ отечество наше свѣтъ православной вѣры? Ему, какъ литератору, многое множество тамъ рудниковъ, мнѣ, какъ живописцу, готовящемуся создать иконный родъ, а тебѣ, кажется, нужно бы тоже знать, какъ строились церкви, не монферрановскія, а наши.

Адресъ Чижева: А Moscou, Никол. Михайл. Языкову, на Пречистенку, къ Троицѣ въ Зубовѣ, въ домъ г-жи Наумовой.

СХХV.

КЪ ЧМУТОВУ (?)

(Римъ. Начало 1846.)

Зная васъ по слуху, я вывелъ для себя заключеніе: сдѣлать вамъ предложеніе приѣхать сюда на свой счетъ, что вы можете быть со временемъ однимъ изъ самыхъ большихъ художниковъ нашихъ. Не зная, однакоже, подробно настоящихъ обстоятельствъ вашихъ, я скажу вамъ только, что

еслибы вы были сейчасъ на лицо здѣсь, заработали бы такъ выгодно копіями съ прекрасныхъ вещей, что могли бы начать здѣсь свою карьеру: у насъ здѣсь вамъ бы было легче выдти въ люди и отличатся и внутренно, и наружно. Здѣсь, кромѣ помощи правительства, пріѣзжаютъ частные русскіе для того, чтобы видѣть и заниматься исключительно искусствомъ, и потому портретъ, или копію, здѣсь получить не трудно, будучи столько приготовленному, какъ вы. Слышу, что вы бѣдны, что имѣете мать, но (на) эти два данныя найдутся у меня, при благоразумномъ употребленіи, и время, и деньги, и, при истинной любви къ своему дѣлу, можно съ этимъ совладать. Я вотъ доказываю это каждый день, на практикѣ. И такъ, если еще пламя художническое въ васъ сильно, если любовь къ отечественнымъ успѣхамъ совершенно разбиваетъ въ васъ и лѣнь, и слабость духа, то, не теряя золотой молодости, совѣтую вамъ пуститься (въ дорогу), хотя бы и на мѣдныя деньги. Богъ вамъ помощь!

Познакомтесь съ моимъ батюшкой; онъ дастъ вамъ опытомъ пережитую идею, какъ сказать вашей матушкѣ, чтобы васъ сюда отправила, какъ ей терпѣть и дожидаться вашего обратнаго возврата въ отечество. Пожалуйста, постарайтесь отвѣтить на это мое письмо скоро, а если не пожелаете сами послать (отвѣтъ) въ «Roma, caffè Greco» на мое имя, то принесите моему батюшкѣ.

SXXVI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Мартъ 1846.)

Послѣ столь долгихъ ожиданій, наконецъ я обнялъ моего брата, перецѣловалъ его нѣсколько разъ, все принимался снова. Живетъ онъ подлѣ меня, раздѣляется одной только прихожей. Видѣться съ нимъ хочется безпрестанно, работа на умъ болѣе не идетъ. Да, впрочемъ, и время такое, что трудно работать: страстная недѣля католическая, множество

церемоній папскихъ, весь Римъ въ Ватиканѣ. Притомъ ждемъ Императрицу сюда: не завтра, такъ въ субботу уже навѣрное. Съ ней пріѣдетъ Волконскій, и тутъ рѣшится моя участь, т.-е. буду ли я имѣть сейчасъ способы оканчивать мою картину, со временемъ, или никогда,—все это рѣшится черезъ 5 или 10 дней. Это васъ тоже должно интересовать. Какъ только узнаю что-нибудь положительно, то сейчасъ вамъ напишу. Скажу также и Чмутову что-нибудь рѣшительное. Мы всё зависимъ отъ пріѣзда Волконскаго, а между тѣмъ хорошо бы было, еслибы вы потрудились повидать всё опыты въ живописномъ дѣлѣ Чмутова, и прислали бы мнѣ сюда полныя объ нихъ свѣдѣнія, что дѣлаетъ Чмутовъ, по отъѣздѣ брата изъ Петербурга до сихъ поръ,—хорошо ли, и если не хорошо, то какія тутъ были причины, и, наконецъ, можетъ ли быть изъ него изобрѣтательный художникъ? Братъ мнѣ привезъ всё нужныя книги: диксіонеръ и русскую Библию, славянскую, а что важнѣе всего—ваши два портрета и Катинькины. Съ какимъ трепетнымъ страхомъ собирался смотрѣть первый, рисованный. Вы совсѣмъ не перемѣнились, но въ дагерротипическомъ, на который скорѣй можно бы было положиться,—такъ это не то. Иногда, вѣдь, дагерротипъ не выходитъ, особливо, когда лицо въ секунду сеанса приметъ какую-нибудь необыкновенную мину, особливо улыбающуюся. Катинька, напротивъ, еще больше удалась въ дагерротипѣ. Точно то лицо, что было у маленькой, сколько мнѣ помнится.

Наконецъ, эти подарки, самые превосходные для моего сердца, я поставилъ на столикѣ въ моей спальнѣ — глядѣть и быть съ ними при каждомъ началѣ дня и отходѣ ко сну. Самое утѣшительное, это то, что братъ меня увѣрилъ, что вы совсѣмъ не такъ бѣдствуете, какъ я 16 лѣтъ думалъ, и даже живете не худо. У меня сердце отлегло, и я сдѣлался счастливѣе. Побывайте у графа Толстаго (вице-президента Академіи Художествъ), разспросите его обо мнѣ, и посмотрите наши дагерротипныя портреты.

СХХVII.

КЪ СЕСТРЪ.

(Римъ. Весна 1846.)

Любезнѣйшая сестрица Екатерина Андреевна.

Вы насъ подарили вашимъ письмомъ. Для брата оно не рѣдкость, да онъ-же и недавно изъ дому, гдѣ все было согрѣто чистосердечіемъ и любовью, но моему 16-ти-лѣтнему пилигримству всегда отрадно бываетъ хоть письменно соединяться съ вами. Не ропщите, если я къ вамъ не пишу. Мѣсто, на которое я поставленъ, много удовольствій меня лишаетъ, но что же мнѣ дѣлать, какъ не продолжать дѣйствовать, пока есть силы и здоровье? Споръ съ представителями Европы о способностяхъ русскихъ на самомъ дѣлѣ — вотъ вопросъ, ради котораго всѣмъ должно было пожертвовать, и который не иначе можетъ рѣшиться въ нашу пользу, какъ при самой ревностной дѣятельности. Ваше милое письмо къ брату Сергѣю перенесло меня въ нашъ новый домъ, который живо представляется въ разказахъ брата. При мнѣ не было ни канареекъ, ни собачекъ, но это не только не измѣняетъ прекрасной базы нравовъ, но представляетъ моему воображенію еще и прекрасный группъ.

СХХVIII.

КЪ СЕСТРЪ.

(Римъ. Весна 1846.)

Любезнѣйшая сестрица Екатерина Андреевна.

Мы васъ глубоко уважаемъ и любимъ. Кромѣ общихъ съ нами добрыхъ качествъ нравственныхъ, вкорененныхъ въ насъ еще примѣромъ родителей, вы имѣете преимущество передъ нами, какъ старшая. Русская добродѣтель, еще дохристіанская — уважать старшинство — вполне свѣтится въ